

СМЫСЛ КАК ОБЪЕКТ СЕМАНТИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Рассматривается отношение «значение – человек – смысл» в контексте взаимодействия двух языков. Существенные особенности индивидуальных смыслов выделены на материале незнакомых информантам английских композитов, содержащих известные компоненты. В статье заявлены классификации индивидуальных смыслов по степени соответствия английскому слову-значению и по структурным признакам.

Ключевые слова: классификация; смысл; индивидуальное сознание.

Онтология смысла приобретает особую значимость в связи с усилением в лингвистике антропоцентрических тенденций. В период, когда язык рассматривался как автономная сущность, одно из средств общения, смысл находился на периферии интересов исследователей. С пониманием языка как «всеобъемлющей, предвосхищающей истолкованности мира» [1. С. 29], отражения менталитета нации, смысл начинает фигурировать как одна из наиболее фундаментальных категорий.

В большинстве толковых, философских и лингвистических словарей смысл определяется «через значение», хотя сами дефиниции отличаются от определения значения [2]. Признаком, содержащимся практически в каждом определении «смысла», является его отнесенность к ментальной, а не языковой сфере. «Смысл – это «внутреннее содержание, значение, постигаемое разумом...» [1. С. 160], «содержание того или иного выражения (знака, слова, предложения, текста... то же, что значение» [3. С. 635]. Другими признаками «смысла» являются характеристики, связанные с деятельностью сознания: «разумное основание, назначение, цель» [1. С. 160]. Все это показывает, что смысл любого знака непосредственно связан с явлениями, находящимися вне языка: смыслом события, смыслом жизни.

Экстралингвистический характер смысла раскрывается в ряде работ, принадлежащих не только лингвистам, но и логикам, философам, психологам (С.А. Васильев, В.В. Налимов, Р.И. Павиленис и др.). В исследованиях смысла уже в 80-х гг. XX в. подчеркиваются активная роль субъекта познания и необходимость выхода в изучении этой проблематики за рамки лингвистики.

Основные тенденции, сложившиеся при исследовании смысла, заключаются в следующем:

1. Имеет место высокая степень повторяемости некоторых характеристик смысла. В логико-философских работах общими являются одни характеристики, в лингвистических – другие. Общей точкой пересечения можно считать то, что смысл соотносится с информацией, знанием. Но для логико-философского подхода характерно соотносить эту информацию с концептуальными системами, структурами знаний, социальным и индивидуальным опытом индивида, являющегося активным субъектом познания. Лингвистический подход базируется на представлении о том, что эта информация (смысл) непосредственно содержится в высказывании, а постижение смысла представляется чем-то похожим на вычисление, выведение его в результате выполнения каких-то операций.

2. Наиболее общими характеристиками смысла, выделяемыми в рамках лингвистического подхода, являются его универсальность, инвариантность, но в то же

время его ситуативная обусловленность, изменчивость и вариативность. Все эти характеристики работают как в рамках одного языка, так и в межязыковом контексте. Но все это оказывается лишь способом обнаружения факта существования смысла, фиксации момента перехода на смысловой код, но не касается непосредственно самого смысла, его субстанции. Логико-философский подход, соотнося смысл со сферой мышления, сознания человека, с его определенными эмоциональными состояниями, делает попытки исследовать смысл на субстанциональном уровне.

Антропоцентрический подход, определивший другое отношение к языку и обозначивший его как «дом бытия человека» [3. С. 192], предполагает соединение лингвистического и логико-философского подходов в изучении отношения *значение – человек – смысл*.

Основопологающей идеей, послужившей толчком к изучению данного отношения в условиях взаимодействия двух языков в настоящей работе, стало следующее утверждение Т.К. Цветковой: «То, что являлось значением для носителей одного языка в пределах одной культуры, становится смыслом для представителей иных языков и культур» [4. С. 72]. Существующее как значение в одном языке представляется для носителя другого языка смыслом и входит в сознание в соответствии с системой смыслов родного языка и культуры.

С целью экспликации индивидуальных смыслов и стратегий их осознания было проведено психолингвистическое исследование на материале английских композитов тематической группы «человек, нарушивший закон». Экспериментальный список включал 8 слов-стимулов, предъявляемых на первом этапе без контекста в составе фразы «If he is + слово-стимул». Испытуемым предлагалось завершить эту фразу. В группу вошли следующие слова: *wrongdoer* (правонарушитель), *lawbreaker* (правонарушитель), *shoplifter* (магазинный вор), *housebreaker* (взломщик), *self-incriminator* (человек, дающий невыгодные для себя показания), *blackmailer* (шантажист), *peacebreaker* (нарушитель порядка), *pickpocket* (карманный вор). Каждое из них содержит полностью или частично знакомые информантам компоненты, 7 слов маркированы суффиксом *-er*.

Исходным является тезис о том, что смысл содержится в самом слове, и для его понимания испытуемый совершает операцию логического выведения смысла – инференцию (Е.С. Кубрякова), в результате которой получают выражение эксплицитные и имплицитные слои семантики слова. Стратегии, выбираемые при этом, – итог свободного выбора информанта как активного субъекта познания. Полученные смыслы не случайны, они отражают не только особенности языкового и метаязыкового сознания информантов-студентов пер-

вого курса юридического факультета КемГУ как представителей данной социальной группы, студенчества, но и «несут печать» будущего профессионала в доминирующем на настоящий момент обыденном сознании.

Под смыслом в работе понимается индивидуальное содержание слова. Значение – объективное содержание слова, закрепленное словарем, действующее как абсолютно понимаемое в рамках одного языка – одной культуры.

Исходя из понимания смысла как индивидуального содержания слова, мы предполагаем, с одной стороны, что есть объективные элементы, не зависящие от нашего сознания, которые «цементируют» слово, и мы их или видим, или нет, или видим как-то иначе. С другой стороны, наше понимание слова не является единым, а представляет собой индивидуальные интерпретации, в которых учитываются разные стороны слова, внешние или внутренние, или и те и другие.

Столкнувшись с новой информацией, мы неизбежно ищем в ней сначала похожее на то, что уже знаем. Как отмечает В.П. Петренко, «на единичное проецируются типовые характеристики того класса объектов, к которому относится это единичное» [5. С. 157]. Там же подчеркивается, что важной особенностью восприятия является «пристрастная позиция наблюдателя» [5. С. 157].

В нашей ситуации при предъявлении английского незнакомого сложного слова происходит его соотнесение с «обобщенным эталоном» [5. С. 156], где в качестве обобщенного эталона выступают знания русского языка и лексические, словообразовательные знания английского языка.

Знания о сложных словах русского языка помогают выделить значимые части иноязычного незнакомого слова. Все слова-стимулы, кроме одного, оканчиваются на суффикс -ег, указывающий в английском языке на лицо, выполняющее какую-либо деятельность. Английское сложное слово, делимое на две части, как и в русском языке, проверяется на возможность узнавания знакомых слов как частей композита. «Считывание» разных смыслов с одного и того же слова обусловлено разным знанием, индивидуальным выбором стратегии осознания слова, личностью информанта.

Отношение к смыслу как «ассоциативной реакции» [6. С. 178] в рамках одного языка предполагает автономность смысла по отношению к значению. В условиях взаимодействия двух языков ассоциативный путь образования смысла также возможен в том случае, когда иноязычный знак для информанта «пуст», т.е. информация, «предлагаемая» словом, представляется недостаточной или образ, возникший в связи с этим словом, сильнее объективной опоры для понимания слова, содержащейся в нем самом.

Отношение *значение – человек – смысл* в контексте взаимодействия двух языков определяется следующим образом:

1) иноязычные незнакомые слова-значения, имеющие знакомые компоненты, при осознании-интерпретации наделяются информантом индивидуальным содержанием, смыслом;

2) смысл всегда связан с искомым значением, но характер связи может быть как в рамках языка, так и

вне языка: в контексте культуры, социальном или внутреннем контексте, – или при образовании смысла сочетаются оба подхода;

3) образованные смыслы раскрывают соотношение «индивидуального – социального» в индивидуальном сознании.

Акт осознания значения – «это всегда интерпретационный акт, основывающийся преимущественно на рационально-логических способах познания» [7. С. 152]. Поэтому представляется необходимым рассмотрение не только полученных в процессе осознания смыслов, но и контекстов их осознания, представляющих по сути толкования незнакомых слов.

При осознании незнакомого иноязычного сложного слова информанты учитывают знания родного языка о сложном слове, и преобладающей моделью смысла остается номинативный смысл.

Не все композиты укладываются в эту модель. Ощущаемая информантами невозможность образования адекватного незнакомому значению номинативного смысла стимулирует поиск других путей его выражения. Так как сложные слова построены по моделям «существительное + глагол» (*housebreaker*, *shoplifter*, *peacebreaker*, *lawbreaker*), «глагол + существительное» (*pickpocket*) «прилагательное + глагол» (*wrongdoer*, *blackmailer*), «местоимение + глагол» (*self-incriminator*), то информанты считают возможным в некоторых случаях объяснить смыслы в виде предложения, в котором есть подлежащее из лексико-деривационного контекста «он» и превращенная в сказуемое предикатная часть сложного слова, или ввести характеризующий признак.

Реакции информантов образуют четыре группы, показывающие степень соответствия полученного смысла английскому значению композита, т.е. то, что выражено. Из них: I группа – адекватные смыслы, II группа – оценочные, III группа – формальные, IV группа – имплицитные. Форма выражения, то, какие части речи представлены в метатекстах-реакциях, учитывается при классификации реакций по структурному признаку, где выделяются номинативные смыслы, смыслы-действия и атрибутивные смыслы.

В каждой из четырех групп преобладают номинативные смыслы, выраженные существительными (*housebreaker*: *грабитель домов, вор; домушник, медвежатник, вандал; разрушитель домов; террорист, сумасшедший; lawbreaker*: *нарушитель закона, правонарушитель; преступник; правове́д; blackmailer*: *распространитель порочащей информации; грязный почтальон; спамер; wrongdoer*: *правонарушитель; ложный деятель; метеоролог*), но есть также и смыслы-действия, выраженные глаголом или причастием (*pickpocket*: *он крадет из карманов других людей; он «чистит» карманы; housebreaker*: *он обворовал дом; он рушит дома; blackmailer*: *человек, угрожающий по почте; он взламывает компьютеры; рассылает спам; self-incriminator*: *человек, добровольно признающий себя в преступлении; инкриминировал преступление в свою пользу*).

В группе оценочных смыслов выделяются реакции характеризующего типа или атрибутивные, выраженные прилагательным: *self-incriminator*: *он неуверенный; wrongdoer*: *плохой человек; blackmailer*: *черный, значит нечестный*.

Оценочная характеристика может быть описана через ситуацию, совмещающую разные параметры описания.

Wrongdoer: «Он может убивать людей, делать им гадости. Просто может по-хамски разговаривать, оскорбить. Часто пребывает в плохом настроении, очень озлоблен на всех».

Взаимодействие родного и иностранного языков в процессе осознания незнакомого сложного слова носит разный характер. Оно может быть продуктивным, порождающим адекватные смыслы, или поверхностным, порождающим формальные смыслы. Оно отражает сложившиеся в рамках русской культуры обыденные представления о нарушителе закона (оценочные смыслы) или дает в результате возможность для проявления собственной индивидуальности с привлечением внутреннего контекста, выражения креативного подхода к языку (имплицитные смыслы).

Неоднозначность в понимании композитов проявляется уже на уровне адекватных смыслов. Так, при осмыслении слова *self-incriminator* информантами образованы следующие смыслы: *тот, кто обвиняет себя в преступлении; человек, который является с повинной; виновный, признавшийся в своей вине; чистосердечно признавшийся; сам на себя наговаривает; человек, признавшийся в том, что он преступил закон; человек, признавший свою вину; человек сознался в преступлении* («если он сам признался в преступлении, то он помог сам себе»; «человек, обвиняющий сам себя в преступлении, который действительно совершил или не совершил его и наговаривает сам на себя с какой-то определенной целью»).

Адекватное прочтение компонентов слова *self-incriminator*, однако, не обеспечивает однозначную интерпретацию композита, о чем свидетельствуют смыслы-действия «является с повинной, наговаривает на себя», атрибутивный смысл «чистосердечно признавшийся», а также высказывание «человек, обвиняющий себя сам себя в преступлении, который действительно совершил или не совершил его и наговаривает сам на себя с какой-то целью».

Созданные смыслы открывают асимметрию формы и содержания, показывая возможности развития, потенциально заложенные внутренней формой слова: обвиняет себя – признается, является с повинной, сознается в преступлении, признавший вину, наговаривает на себя и т.д. Тот факт, что все эти реакции в контексте русского языка можно рассматривать как синонимичные, подтверждают сведения из истории развития смыслового строя русского юридического языка.

Так, современные термины «клевета» и «вина» восходят к одному и тому же архаическому символу вязания, витья, выражавшему взаимные отношения лиц. Сильный имел возможность повить, повязать слабого, сделать его повинным, т.е. обязанным кому-либо, отсюда «повинить» – возложить на лицо бремя уголовно-правовых последствий [8. С. 23]. Если русский человек возлагает это бремя на себя сам, процесс самообвинения может обернуться оговариванием, чему немало примеров в прецедентных текстах (Ф.М. Достоевский).

Границы групп не всегда можно четко очертить. Пограничность некоторых созданных смыслов, возможность их отнесения не в одну, а в две группы, обусловлена, с одной стороны, представлением информантов о том, что отдельные компоненты в составе сложных слов позволяют сделать опору на два языка, с другой – желанием «прочитать свое значение», включив часть личного переживания или опыта. Так, к группе формальных смыслов относятся реакции на слово *shoplifter* «шоппингман, шопо-ман» («если бы он был шопингманом, то он бы зашел в этот новый магазин / любитель ходить по магазинам»; «если он шопо-ман (болельщик), он постоянно приходит в новом наряде»). Они являются одновременно пограничными смыслами, представляя собой сниженную лексику, образованную по распространенной в молодежной среде словообразовательной модели.

Данные эксперимента подтверждают, что индивидуальные формы осмысления языка проявляют как индивидуальное, отражающее отношение отдельного человека к миру, другим людям, языку и нашедшее свое выражение в многообразии авторских единичных смыслов, так и всеобщее, воплощенное в сходстве оценочных суждений, показывающих по сути единое коллективное мнение в отношении нарушителя/нарушения закона.

Предлагаемый информантам лексико-деривационный контекст изначально задает позицию испытуемого (*if he is* + незнакомое слово-стимул). В процессе толкования слова «он» представлен информантами как «чужой» их миру. Ирреальность, отдаленность от мира информанта предложенной ситуации порой выражается грамматически: через сослагательное наклонение (*self-incriminator*: «если бы он сам уличил себя в преступлении, он бы облегчил свою участь»). Спектр отношений, отраженных в эксперименте, можно выразить следующими словами: опасен, нужно его остерегаться, т.к. обладает определенными «профессиональными» качествами и должен быть наказан. Это – «профессиональный» единый взгляд будущих юристов на проблему.

В рамках всех групп большинство высказываний содержат указание на неотвратимость, реже – возможность наказания. Для образования индивидуальных смыслов информанты привлекают знания обо всех уровнях языка, представления о способах понимания/интерпретации незнакомых иноязычных слов, обращаясь как к иностранному, так и к родному языку.

В результате эксперимента установлено преобладание первой и последней групп: адекватных или близких английскому значению смыслов и имплицитных смыслов, отражающих «субъективную» жизнь слова. Различные способы идентификации семантики композита языковым сознанием демонстрируют не только симметрию, но и асимметрию знаковых и когнитивных моделей.

Данные исследования подтверждают, что в обыденной интерпретации «чем менее известно реципиенту слово, тем больше оно для него является агнонимом, то есть, чем оно дальше от актуальной значимости, тем больше он (реципиент) склонен выводить содержание слова из его внутренней формы (морфемного состава)»

[9. С. 98]. При осознании незнакомого слова неязыковые знания играют не менее важную роль, чем языковые, что свидетельствует о важности прагматических, социальных и культурно-этнических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного: Пер. с нем. М.: Искусство, 1991. Т. 4. 367 с.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М., 1988. Т. 4: С–Я. 800 с.
3. Современный философский словарь / Под ред. д-ра филол. наук, проф. В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004. 864 с.
4. Цветкова Т.К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2001. № 4. С. 68–81.
5. Петренко В.П. К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект // Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. К 70-летию д-ра филол. наук, проф. Е.Ф. Тарасова. Калуга, 2005. С. 155–177.
6. Караулов Ю.Н. «Осознание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. К 70-летию д-ра филол. наук, проф. Е.Ф. Тарасова. Калуга, 2005. С. 178–189.
7. Ростова А.Н. Обыденная семасиология // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, проф. О.И. Блиновой. Томск, ТГУ, 2006. С. 150–158.
8. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. 160 с.
9. Голев Н.Д. Лингвистические тупики юридической техники // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. Кемерово; Барнаул, 2007. С. 92–104.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 мая 2010 г.